

ЗЕРКАЛЬНЫЙ МИР

■
Перевод с венгерского
ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА

Корни

Что вы сосете, корни,
из черноты могильной
изо дня в день упорно
с выдержкою двужильной?
Что вы нашли в саду,
чтобы стал сад в цвету:
сахар ли в перегное
или в мергеле мед —
это или иное,
но только сад цветет?!
Вот уж на аромат
пчелы, жужжа, летят!

Корни, вы отраженье
вскинутой вверх руки;
пальцы от напряженья,
кряжисты и крепки.
Пальцами, пятернею
роете глубину,
ствол с молодой листвою
вскинув во всю длину.
Так и во мне, во мне —
смотрится настоящее
в будущее, парящее
облаком в вышине.

Жалко, я вас не вижу,
слышу лишь в глубине,
но год от года ближе
ваша работа мне.
Помню, мальчишкой в поле,
шествуя за быками,
до ломоты, до боли
вас я топтал ногами.
Да и теперь стою
чую вас под собою:
видно, не даром прочно
корни пустил я в почву!

Видно, они с рожденья
трудятся денно-нощно,
как в родовом владенье,
корни пустил я в почву,
хоть на вершок, на пядь —
рвите, не оторвать!
Петь начну — что за чудо? —
песня моя оттуда:
вторит мне, как преданье,
древнее естество
легкими, ртом, гортанью
прадеда моего.

Если листва проворно
тянется в вышину,
значит, уходят корни
жилисто в глубину.
Сам я тянусь упорней,
только в себя взгляну!
Я уже слышу сам,
как тяжело подошвам
наполовину — в прошлом,
наполовину — там,
в лете плодоносящем,
меж облаков летящем.

Что ж, ведь деревья тоже,
тоже летят куда-то,
не унимая дрожи,
не отрывая взгляда —
долгого — от листопада.
Это на смену лету
осень идет по следу.
Но унывать не надо!
Корни мои навеки
землю связали с небом.
Белые мои ветки
сыплются белым снегом...

В грохоте неба

Эй, посмотрите, как молния в небе метнулась,
и запоздало прошелся раскатистый гул
после удара, похожий на рокот курантов,
и долгим эхом ответили дали ему;
снова метнулась и, косо разрезав потемки,
перечеркнула тропическую духоту
полночи летней, вот так же свежо и опасно
из-под опавшего ряда сверкает коса:
дождь застучал, как зерно, все быстрее, быстрее,
вот уже ливень грохочет, и молния бьет
напропалую, и гром сотрясает окрестность,

я — в темноте — не могу оторвать своих глаз
завороченных, я чувствую нервами всеми,
как и во мне пробуждается дикий восторг,
трепет звериный, проснувшийся вместе с грозой,
как пробуждался он в прашуре; может быть, так
чувствуют дети опасность, играя с оружием,
или мужчины, идя на бессмысленный риск,
слушают голос судьбы; эта нервная встряска,
после которой мурашки бегут по спине,
держит меня и сейчас еще в оцепененье
лишь потому, что не испепелила меня
молния; я уже жду, замирая в потемках, —
вот она! Вот над полями блеснула опять! —
вспышки, а только опомнюсь, как дальнее эхо
еле дрожит, ибо, если б его записать,
гром обратился бы в отзвук или отголосок,
но если что-то и может сравниться с грозой,
с молнией блещущей — это ее повторенье,
молниеносная мысль, осветившая мрак!

Холодное утро

Вот уже и воробьи купаются
в колее колесной оробело,
в редких листьях яблоки качаются,
падая на землю то и дело.

Только тополь все еще надеется,
но и он, прощально шелестящий,
закружится желтою метелицей,
где как сердце каждый лист летящий.

Я не знаю, что со мною станется,
но и мне смотреть на это больно.
Смотришь — и рука невольно тянется
к сердцу, так и тянется невольно!

После тридцати

Дни. Недели. Месяцы. Годы.
Как сцепились десятилетия?
Как идущие вдаль вагоны?
Может быть. Не могу глядеть я.
А опомнюсь — и нет ни стука,
пробегающего по рельсам,
ни гудка за спиной, ни звука,
затихающего за лесом.

Пролетела дуга стальная,
обдала сквозняком дорога.
Юность, что ли, напоминая,
одуванчик, летит высоко?
Тихо-тихо. Не тишь, а пытка.
Завилась на реке воронка.
Заплелась моей жизни нитка —
не распутывай! — тонко-тонко.

Где вы, долгие перегоны?
Где акации вдоль откоса?
Торопливо прошли вагоны.
Пробежали стремглав колеса.
Видно, молодость источилась,
иссучилась по нитке пряжа.
Почему же так покатилась
жизнь моя? И не знаю даже.

Что завязано как попало —
не распутаешь, не помешкав.
Так затягивались, бывало,
на ботинках шнурки при спешке.
Я распутывать не умею
жизни связанной. Только, медля,
озираюсь: а вдруг на шее
затянулась тугая петля?

Ночью, в снегу

Зеркален мир: уже темнеет небо,
хотя земля еще светла от снега.
Я, обращенный к бездне мирозданья,
жду слова, задыхаясь от молчанья.

Вот так когда-то, попрощавшись с другом,
я шел домой нетвердыми шагами,
от выпитого голова шла кругом,
вокруг деревьев снег темнел кругами.

Стояла ночь, огромная донельзя,
мерцал простор, но было мне обидно:
так хорошо, а нету слов... Так стыдно!
И ветер шелестел: придут, надейся.

О, если б все, что так во мне металось,
пускай не все, пускай бы даже малость, —
так мне мечталось, — воплотилось в слово!
И вот теперь такое чувство снова.

Так где же песня? Нет ужасней кары,
чем немота! Недаром каждым нервом —
я слышу с микельанджеловским гневом —
внутри — невыносимые удары.

На крыше снег мерцает как-то сиром,
и ветер шепчет, как в начале мира,
и небо, замирающе и немо,
звенит, как бессловесная поэма.

Звенит, звенит гармония ночная,
и бусинами звезд и облаками
гармонику собой напоминая,
наполненную ветром и снегами...

